

18+

МЫ УЕЗЖАЛИ НАВСЕГДА...

ТАТЬЯНА КАЛИНИНА

Татьяна Калинина

Мы уезжали навсегда...

«Издательские решения»

Калинина Т.

Мы уезжали навсегда... / Т. Калинина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-680674-0

Четыре повести об эмиграции, в которых герои сталкиваются с главными испытаниями жизни вдали от Родины: обнуление карьеры, борьба за место в новом мире, испытание отношений на прочность, соблазн отступить от собственных принципов в угоду выживанию. Как заново найти свое место в обществе? Как переизобрести себя, преодолеть тяготы адаптации и остаться собой? Книга заставляет задуматься о главном в человеческой жизни. Читайте уже сейчас!

ISBN 978-5-00-680674-0

© Калинина Т.
© Издательские решения

Содержание

Посейдон	6
Арест	6
Гибель кита	12
Новая жизнь	14
Вера	17
Разрыв	21
Посейдон	23
Царство	25
Свой голос	28
Развод Картюхина	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мы уезжали навсегда...

Татьяна Калинина

© Татьяна Калинина, 2026

ISBN 978-5-0068-0674-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посейдон

*Будет недолго еще он с отчизною милой в разлуке, если бы даже
его хоть железные цепи держали.*

Гомер. Одиссея

Арест

Ранним утром, когда зеленая листва кленов полностью скрыла вывеску овощной базы «Картюхино», собственник Игорь Александрович Картюхин вошел в холл, расслабил жаркий галстук на лазоревом воротничке и нажал на хромированную кнопку лифта. За спиной послышались шаги и шорох. Картюхин неловко повернулся и увидел двоих в штатском:

— Игорь Александрович? — спросил один и, получив подтверждение, продолжил, — мы к вам. Подполковник Локотков, пройдемте с нами.

— Куда?! — ошарашено поглядел на обоих Картюхин.

— В комитет. У нас есть постановление на ваше задержание. Мы все поясним. Проходите...

Сотрудники базы, видевшие, как Картюхина вели через двор в автомобиль следственного комитета, быстро разнесли весть, и к десяти утра работа встала — все обсуждали только это.

Пока шел допрос, дома у Картюхина творилось черти что. В квартиру к Игорю Александровичу приехали восемь человек. Они выволакивали из шкафов одежду, разбирали рабочий стол и тумбочки, снимали с кондиционеров пластиковые короба. Искали золотые слитки, деньги и драгоценности. Не найдя почти ничего, они оставили обалдевших от неожиданности жену и дочь Картюхина в ужасном состоянии.

Лиза подала измученной матери корвалол, а потом начала стирать с паркета следы подсохшей грязи, которые неприятно хрустели под тапочками.

— Говорила я ему: «Поехали жить в Латвию. Говорила!» А он мне: «Я балтийский холод не люблю, у меня люди тут работают, я их не брошу...» Подойди, Лиза, мне совсем плохо, я задыхаюсь!

Лиза потерянно подошла к матери и села рядом с ней. Та нервно вложила свою руку в ее:

— Неси тонометр, померь пульс.

Девушка встала, кинула взгляд на тумбочку, где обычно лежал прибор, и заново вспомнила, что теперь все кувырком. Под белой норковой шубой, оказавшейся в пыли сдвинутого на бок шкафа, она увидела изгиб серой трубки, и взяла тонометр.

— Да подними ты ее, видишь же, что не могу подобрать, а топчешь! Сколько деньжищ стоила... Ох, что будет! Что теперь будет?! — Елизавета Андреевна закрыла глаза и жертвенно вытянула вперед безжизненную руку. Зашумел тонометр.

— Мама, пульс семьдесят шесть, все хорошо, — сказала Лиза, пока мать шипела в ответ на сдавливание руки.

Елизавета Андреевна, мать Лизы, выбрала имя девочке не случайно, не по романтическому порыву и не в ответ на уговоры заботливого мужа назвать девочку именем любимой женщины. Она всерьез считала, что имя приносит удачу, а в случае с Лизой — удачу женскую, и потому настояла на том, чтобы в доме были две Лизы — она и дочь.

Когда-то давно, еще в студенческие времена их с Картюхиным юности, случилась у них запоминающаяся история. На одной из веселых рождественских вечеринок в доме культуры студенты играли в слова. Парню надо было вытянуть из шапки любое имя вслепую.

К имени нужно было быстро подобрать за десять секунд пять созвучных слов, и после этого парень мог поцеловать девушку. Если отказывала — девушка вытягивала мужские имена, а если не успел — то имя девушки снова оказывалось в общей шапке, парень выбывал из игры.

Игорь Картюхин, тогда красивый белокурый студент, которого на лекции привозил отцовский водитель, был самым заветным женихом университета. Пока играли другие, Лиза молилась, чтобы она не выпала какому-нибудь захудалому прыщавому сокурснику из общепития.

Как дошла очередь до Картюхина, он весело вскочил, откинул от розового лица вихреватые пряди и сунул руку в шапку чуть не по локоть. Радостно развернув бумажку, он гаркнул: — Лиза! — и сразу залпом: — Антреприза, киса, каприза, экспертиза, сизо...

И хотя в комнате было две Лизы, но конкретно Васильева Лиза, которая потом и стала женой Картюхина, вскочила с места, подошла к оптимистичному студенту и жарко поцеловала его в раскрытые розовые губы с моложавым пушком над губой, не стесняясь никого и ничего.

Так, с шутки, началась история их отношений, а потом — свадьба, квартира в подарок, дочь, усыпляющее благополучие... и вот теперь — крах всего! Арест мужа.

Не проработав ни дня, Елизавета Андреевна, учебной дочь не гоняла. Главное — чтобы без троек, ну а если случится, то и не страшно.

На вопрос, может отдадим дочь куда-нибудь, да хоть на танцы, мать отвечала: «Природа и так позаботилась! Она вся в тебя, длиннопалая».

Важно было то, что Лиза (точнее, две Лизы) были частыми гостями во всех хороших домах. Знакомства мужа позволяли дружить с очень «правильными» людьми, и из всех «правильных» Елизавета Андреевна сближалась с теми, у кого рождались мальчики.

И хотя воспользоваться этими связями для собственной выгоды она не могла, Елизавета Андреевна успокаивала себя тем, что, имея такие знакомства, Лиза уж точно найдет себе обеспеченного мужа из своего круга.

Однако арест мужа — не первое потрясение семьи Картюхиных. Восемь лет назад, как только дочь перешла на пятый курс филологического, она встретила худого, забитого и замкнутого Витю Чалова, который приехал в столицу учиться на диспетчера, вырвавшись из поселка городского типа под Раковым.

Мать при знакомстве окатила будущего зятя таким взглядом, от которого холодно стало бы даже мертвецу. А отец, хоть и хотел бы для дочери лучшего, но преследовать не стал. Часто он подшучивал над ней, когда она возвращалась домой со свидания:

— Ну как там твой боинг-френд? — говорил он, и Лиза, хоть и ворчала ему в ответ, но была рада его доброй и безобидной шутке.

К свадьбе Чалова Витю «отмыли», как сказала Елизавета Андреевна, и взяли на работу на картюхинскую овощебазу. Молодой человек пригодился в отделе ремонта сорока пяти хозяйских фур. Чай не самолет — тоже разобраться можно!

В реальности все было не так гладко. Ушлые мастера-ремонтники без труда втюхивали директорскому зятю к закупке список деталей на полностью исправные автомобили, а потом успешно приторговывали запчастями.

Сам Витя, который с юности готовился пробиваться в жизни, вдруг обнаружил огромную удачу в том, что встретил такую жену. С ней он сразу нашел и место в жизни, и сильного покровителя. Напыщенное пренебрежение тещи можно было списать на хоть и неприятные, но необходимые недостатки своего положения.

«Не ўсё кату вяселле, — говорила ему мать, когда он жаловался на несговорчивую Елизавету Андреевну, — будзь ласкавей з Лізай, усё будзе добра».

Картюхина все время до суда держали в изоляторе, куда заботливые жена и дочь слали еду и одежду. Адвокаты шансов давали мало: по таким делам сроки от шести до двенадцати, да все реальные сроки, а не условные. И химия вряд ли.

— Да по каким таким делам? — восклицала Елизавета Андреевна. — Игорь двадцать лет работу людям давал, строил, теперь это все куда? За что сроки?

Но государство знало за что. Картюхина сажали на самом высоком уровне. Задержание — самим полковником.

По истечении трех суток Картюхина под конвоем и в наручниках, отдельно от остальных, повезли в следственный комитет, откуда через несколько часов — в прокуратуру, где его уже ждали три прокурора, слева — руководство областного комитета, а справа — начальник управления. Такого набора действующих лиц Игорь Александрович не ожидал, однако нутром понял, как высоко поднялся в жизни.

Обвинение следствия — неуплата налогов и порча государственного имущества на крупную сумму. Немедленно после ареста проверки выявили нарушения трудового законодательства по сотрудникам из отдела маркетинга, посчитав отношения с ними скрытым наймом. Не смутило и то, что сотрудники были предпринимателями, имели несколько регулярных заказов и работали на дому.

По итогам перерасчета зарплатных сумм в качестве серой заработной платы без должного трудоустройства, руководитель такого предприятия приближался к нижнему порогу уголовной ответственности, однако до четырех тысяч «не дотягивал», пока из закровов не достали один факт — в период с октября по ноябрь двадцать второго года на базу прибыл выращенный на госполях подмороженный буряк, который сгнил в рекордные сроки.

Таким образом, компания Картюхина причинила государству ущерб еще на триста тысяч рублей. После выявления этого факта проверяющие достигли целевой суммы, и уголовное дело на Игоря Александровича было успешно открыто.

Счета фирмы были мгновенно приостановлены, а оставленный Картюхиным на производстве директор вызван в «органы» на серию обстоятельных разговоров.

Сергей Решимов, мужчина пятидесяти трех лет, работал в фирме с самого начала по принципу «вы скажите — я сделаю». Ездил на фольксваген поло, обедал в столовой и все лишние деньги направлял на лечение жены Веры, второй раз борющейся с раком груди.

После длительных совещаний финдиректора и Решимова со счетов предприятия были списаны все искомые государством суммы; ими ущерб и был погашен. На ход дела, однако, это не повлияло и намерений прокурора не смягчило.

Однажды вечером, придя домой, Решимов скинул обувь и бросил ключи на столешницу, где лежало уже раскрытое письмо из медцентра. Он потянулся к нему и, пока жена шла с кухни к двери, прочел.

Выписка гласила, что терапия не дала нужного эффекта, и в организме пациентки фиксируются метастазы в правое легкое. Требовалось более серьезное лечение, и стоило оно немало.

Сердце у Сергея Ивановича сжалось... Он вспомнил Веру еще в период ухаживаний и то, как они виделись после пар на берегу Свислочи. Заботливый Сережа, чтобы порадовать любимую, приносил привезенную с родительской дачи клубнику в пластиковой ссобоюке и подавал любимой ягоду крохотной серебряной ложечкой, пока та смеялась, закрыв глаза, и смех ее был слаще этой клубники.

Детей Бог не дал, и они остались с Верой жить эту жизнь вдвоем. И тут — болезнь. Тягостная, выматывающая, беспощадная.

Самое ужасное было то, что жена ничего не просила, не сетовала. Она принимала протекающую в ней болезнь молча, как будто можно было утонуть в мутной воде, не издав ни одного звука.

Лечение нужно было начинать сразу после результатов анализов. Сразу — это в течение месяца. Чем дальше, тем меньше шансов.

— Пойдем выпьем чаю, — сказала Вера, — я накрыла на улице.

Они вышли на залитую светом террасу, где на застеленном скатертью столике уже красовались чашки, ваза с конфетами и чайник. Как любили они долго пить чай на этом балконе, неспешно говорить о делах, о том, что происходит в мире, и как сосед подстригает туи у себя на участке.

— Ты прочитал?

— Да, — отозвался он.

— Как хорошо бы и нам посадить такие туи! — сказала жена и наклонила чайник над кружкой мужа.

— Я посажу, вот с работой разберусь, — сказал Сергей Иванович.

— Нам к родителям бы съездить. Застелем там все плиткой, чтобы тебе не пришлось потом одному...

Сергей Иванович вспыхнул:

— Ты мне такое не смей! Глупая! Будем ездить к твоим вместе, долго ли траву убрать и цветы заменить. Вот подлечим тебя сейчас...

Он замолчал. Жена глянула на него с нежностью и села рядом. Солнце клонилось к горизонту, птицы озабоченно перекрикивались между собой. Неловкий черный птенец дрозда спорхнул с забора в высокую траву, короткие крылья давали ему лететь только на длину кошачьего прыжка.

Мать сиганула вниз, поманила его какой-то букашкой, но в раскрытый желтый клюв еду не дала и взмыла на нижнюю ветку. Птенец со всей силы взмахнул короткими крыльями и оказался рядом. Мать наградила его принесенным угощением и решительно взмыла в небеса за новой добычей.

Придя на работу утром, Сергей Иванович окунулся в заботы оставленного Картюхиным предприятия. Никто не знал, как быть. Принимать ли новый товар, что делать с фурами, контрактами, звонками. Сотрудники бродили по коридорам, от кухни до кабинета, и не знали, куда себя приложить.

Встреч с заключенным не давали, но адвокаты передали от Картюхина указание — компанию не банкротить, работать как обычно, даже еще лучше, клиентам про его неприятность не распространяться.

Какое там! Сразу после ареста во все исполкомы и агрокомплексы страны было выслано извещение, подписанное подполковником Локотковым.

В нем говорилось о том, что ОАО «Картюхино» не рекомендовано к сотрудничеству, так как методы работы ее собственника, Картюхина И. А., являются преступными и противоречат принципам ведения бизнеса в Республике Беларусь. Предлагалось найти другого поставщика услуг, и каждому было понятно, что продолжать работать с «Картюхино» — значит навлечь на себя перекрестную проверку.

Огромные склады, офисное здание в четыре этажа, хранилище для сельхозтехники, выстроенный на четыре тысячи голов коровник (новое начинание Картюхина), кредитная линия на десять миллионов, а главное — сорок пять отличных фур! — все это было лакомым куском.

«Фуры... — подумал Сергей. — Разве это грех — спасти человека, взяв у другого немного из того, что ему уже не нужно? Разве справедливо, что они будут стоять без работы, пока в мире есть люди, чья жизнь и смерть зависит от проклятых денег?

Разве хорошо, если Вера ляжет в сырую землю от того, что не хватило каких-то пару десятков тысяч, а фуры будут ржаветь и пылиться в темном гараже? Картюхину сидеть еще лет шесть, а машины столько не стоят без дела».

Он даже лучше сделает, думал Решимов, если машины будут на ходу. А впрочем еще одно обстоятельство имело большой вес.

«Пока Игорь Александрович ездил по министерским совещаниям, именно я, — подумалось Решимову, — был рядом и направлял всех, разбирался с вороватыми мастерами, обливался потом, пока грузили зерно в жару. Эта база и эти машины — и мои достижения!»

Доводы совести были разбиты еще и следующим фактом: через две недели после ареста собственника, Елизавета Андреевна и дочь Лиза сбежали в Польшу от назойливых следователей, с которыми приходилось просиживать по три часа в бессмысленных разговорах, свидетельствах и допросах.

«Сбежали, как крысы с корабля, а разбираться оставили меня! Жена и дочь — и те прежде всего о своем интересе думают. А у меня каждый день, как кошмар. То допрос, то проверка, с женой поговорить некогда...»

Еще несколько беспокойных ночей в размышлениях — и Решимов зарегистрировал компанию на свое имя, сразу после этого подписал от имени директора «Картюхино» соглашение о передаче десяти фур в бессрочную аренду новоиспеченной компании. Цена аренды была смехотворной. Договора и заказы, по которым эти машины должны возить грузы, были переоформлены на фирму Решимова.

Через два месяца после ареста Картюхина сумма на терапию была уже собрана и отправлена по назначению. Утром того дня в доме Сергея Ивановича встали рано — Вера уезжала на лечение.

Решимов приготовил жене бутерброды с вареной говядиной, которую в задумчивости готовил сам. Он настоял, чтобы перед дорогой она весь вечер лежала, пока он собирал документы, вещи, еду.

Взяв в руку местную газету, он одной рукой снимал шум с бульона, и глаз его косился в сторону одной интересной заметки: «Курс доллара рухнет уже в ближайшие годы». Под заголовком значилось: «...эксперты отмечают тревожные тенденции в американской экономике, которые с большой вероятностью могут вызвать финансовый кризис уже во второй половине двадцать шестого года. По оценкам специалистов, уже в двадцать седьмом году этот процесс приведет к глобальному кризису, и он повлияет на всех, кто...»

Сергей Иванович отложил газету и сунул вилку в сжавшийся от варки кусок горячей говядины.

— Почти готово! — крикнул он в спальню, изогнув шею.

Утром он упаковал бутерброды, уложил в автомобиль чемодан Веры и повез ее, взволнованную путешествием, на вокзал. Она ехала в купе одна, и потому Решимов уложил багаж под металлическую лавку, на перрон не пошел, с тоской поглядел на жену и сел рядом.

— Прости, что был мало с тобой в последнее время. Так все навалилось...

Ее рука встрепенулась и не дала ему говорить далее. Он поцеловал жену в лоб, обняв ее за плечи. Голубые глаза Веры, как озера, наполнились слезами, грозящими перелиться через край, как вдруг Сергей Иванович сказал:

— Ну а впрочем, мы скоро увидимся!

— Конечно! Я позвоню, как только доберусь до Москвы...

Выйдя из поезда, он посмотрел в темное окно купе, в котором виднелось бледное и светлое лицо Веры. Она суетливо помахала ему маленькой ручкой, оттолкнув серую шторку, и поезд тронулся с места.

Решимов в ответ улыбнулся и поднял вверх руку, да так и остался стоять, смотря вслед уходящему поезду, пока в жаркой летней дымке не растворился последний вагон, и улыбка, и поднятая вверх рука.

Удар по ноге вывел Решимова из задумчивости. Дворник с растрепанными седыми волосами задел его грязным металлическим совком, пока подбирал мусор. В руках у него была стальная кочерга, на конце которой было приварено нечто наподобие вилки. Старик ловко подцепил обертку от конфет «Ракушки» и бросил в совок. Он поднял глаза на Решимова и неприязненно произнес: «И этот наследил...»

Буркнув что-то дворнику, Сергей Иванович побрел к машине. Пора было ехать на службу.

В то же утро в офис овощебазы прибыл новый назначенный государством директор — высокий кудрявый мужчина лет тридцати пяти. Он прошел холл пятью широкими шагами и на вопрос охранника «Кем будете?», не оборачиваясь, гаркнул: «Из райисполкома!»

Гибель кита

Новоиспеченный директор прошел в приемную Решимова и стал добиваться встречи. Дверь кабинета открылась, и Сергей вышел. При беглом взгляде Решимову показалось, что они виделись в комитете несколько недель назад.

— Нестерский Олег Иванович!

— Решимов...

— Я с назначением из райисполкома. Вы директором значились?

— Я... — отозвался тот и почувствовал, как почва уходит из-под его ног.

Незнакомец положил перед ним бумагу, на которой Сергей Иванович от волнения не смог разобрать почти ничего, кроме круглой печати и подписи исполнительного комитета.

Первое, что сделал новый назначенный директор — прошел по всем переговорным комнатам и коридорам, оценив количество необходимых камер и прослушивающих устройств. Во время прогулки знакомился с изумленными сотрудниками и представлялся всем одинаково: «Нестерский Олег Иванович. Новый директор».

Через два часа чужак запросил у Решимова договора за последний квартал, потребовал доступ к корпоративной почте, пять электронных пропусков на территорию и талонов на обед в столовой.

Уже на следующий день Нестерским было назначено несколько общих совещаний, и Решимову ничего не оставалось, как запереться в своем кабинете и собирать стопку договоров ОАО «Картюхино», потому как больше от него ничего не зависело.

Мимо Сергея Ивановича, иногда выглядывающего за кофе, без лишних слов проходили молодые люди с черными рюкзаками и мотками кабеля. Они, как группка черных таутогов, сперва направлялись в сторону переговоров, затем мигрировали в холл и на ресепшн, уплывали по коридорам и кабинетам, после чего их выплескивало на склад.

Собрав все договоры, включая свои собственные на те десять фура, Сергей Иванович оставил их на столе, запер дверь кабинета на ключ и отправился домой.

Придя утром на работу, он увидел замок вскрытым, а перепуганная секретарша в приемной пыталась что-то показать глазами и жестом, но Решимов это сообщение не прочел. Как только он перешагнул порог своего кабинета, он увидел трех чужаков с папками. Шкафы и стол были опечатаны. Стопка договоров исчезла.

Арест Решимова сотрудникам, привыкшим за последнее время к удивительным и слегка трагическим событиям, не показался странным. Все подумали, что это было ожидаемо, и зря он не последовал примеру семьи Картюхина, вылетевших в Стамбул через Москву.

Пошумев пару дней, сотрудники утомонились и работали под начальством Нестерского, как и раньше. Многие даже нашли свою выгоду в том, что не осведомленный ни в чем директор не замечал многого, да и не интересовался. То, что ранее было под строгим контролем Картюхина, и что служило напоминанием о собственном несовершенстве, теперь можно игнорировать.

База «Картюхино», как синий кит после смерти, который опустился на океанское дно, стала местом кормления многих организмов и видов, каждый из которых был готов урвать то, на что был способен. Мастера выписывали детали на несуществующий ремонт, кладовщики воровали товар, начальник склада не прочь был сдать в аренду несколько уборочных машин по бросовой цене без договора, а финдиректор начала выдавать лизинговые беспроцентные кредиты своим знакомым и родным.

Говорят, что один погибший кит дает питание экосистеме из примерно трех сотен видов на протяжении ста лет. Первыми к туше приплывают свободно передвигающиеся падальщики в виде длиннохвостых червей, миксиновых и акул. Туша кита не начинает разложение, пока акулы не вырут первый большой кусок.

Через неделю злополучные фуры в общем количестве сорока пяти штук были сданы в аренду новой компании, чьим директором числились неизвестные никому люди. Спустя еще месяц была продана сельхозтехника. Разложение началось...

В этот момент радующиеся легкой жизни сотрудники ощутили первый ветерок надвигающейся бури. На предприятии начались массовые увольнения. Нет техники — нет необходимости ее обслуживать. Лизинговая линия была срочно закрыта банком, а движение по счетам остановлено государством. Платить можно было только налоги и зарплаты. Людей увольняли десятками.

Брат Елизаветы Андреевны, выросший рядом с Картюхиным и принятый на работу еще студентом, переманивал ценных сотрудников себе в компанию.

Уход финансового директора Елены Викторовны ознаменовал новый этап разложения ОАО «Картюхино», потому как никто, кроме нее и самого собственника, не ведал нюансов договоренностей с подрядчиками, истории взаимного финансирования смежных компаний и большинства иных процессов, протекающих в жизнедеятельности крупного многопрофильного предприятия.

Финдиректор, устав от проверок, перешла на новую работу без сожалений и терзаний. Вместе с ней ушла надежда разрешить противоречия, ошибки и путаницу в бухгалтерии, которая возникла от грубого вмешательства Нестерского, его попустительства и вороватости сотрудников.

Последним актом разорения ОАО «Картюхино» был государственный аукцион, на котором база, офисное здание и коровник были проданы за двадцать процентов от стоимости.

На морском дне остался лежать остов того, что много лет строилось через пот и кровь. Мышцы, требуху, кожу и жир картюхинского создания уже освоили самые инициативные обитатели морского дна. Но на костях погибшего кита оставались самые примитивные рачки, которых ежедневно поедали приплывающие осьминоги с бесцветными глазами.

Новая жизнь

А между тем жена и дочь Картюхина, оказавшиеся в Варшаве, пытались устроить свою жизнь заново. Так как деньги и украшения были изъяты из дома еще при аресте мужа, а счета заблокированы, вывезти удалось совсем немного, и те — заначка Лизы и ее непутевого мужа.

Жить с нелюбимой и чопорной тещей Вите Чалову на съемной варшавской квартире было в диковинку. Учитывая новые обстоятельства, Елизавета Андреевна стала покладистой, но поглядывала на него без теплоты. Однако произошло с ней иное удивительное превращение.

Елизавета Андреевна, будучи женщиной ухоженной и не уставшей от бесконечной работы и хлопот с детьми, обычно старящих женщин к ее сорока пяти годам, стала вдруг наряжаться.

В первую неделю по приезде в столицу Польши мать Лизы выходила из дома на длительные прогулки по городу, что воспринималось родными как желание снять стресс и не мешать молодым. Мало-помалу Лиза стала замечать на матери, никогда, впрочем, себя не запускаящей, романтическую укладку, сдержанный и молодящий макияж, кокетливые босоножки на каблук.

Через пару месяцев после ареста мужа Елизавета Андреевна превратилась в цветущую женщину средних лет, о которой проходящие мимо поляки легко могли бы отметить, что она ładna kobieta o pięknym wyglądzie, что, по-нашему, звучало бы лучшим комплиментом немолодой, но привлекательной женщине.

Однако жизнь не всегда приносит только испытания и горе. Она любит соединять доброе и злое, как дети, смешивающие в чашке шоколадное и ванильное мороженое. Так и в семье Картюхиных лето двадцать четвертого года перевернуло все верх дном, если бы не одно обстоятельство.

На исходе августа Лиза обнаружила, что беременна. Это событие сразу окрасило быт и мысли разбитой картюхинской семьи в новые оттенки.

Витя понял, что деньги следует тратить еще более аккуратно, пока он не устроится хоть куда-нибудь. Это выводило из себя Елизавету Андреевну, лишившуюся собственных средств. Каждую неделю он стал сверять чеки продуктовых магазинов с внутренним камертоном, точно указывающим ему оправданность покупок, сделанных женой и тещей.

Бывало, в квартире на улице Дятловской, где поселились наши герои, скандал разгорался от нескольких йогуртов, неосмотрительно купленных на десерт.

Такая прижимистость, переходящая в чичиковскую скупость, была противна теще, привыкшей к щедрости Игоря и пониманию им одной простой истины: жена может тратить без отчета.

С самой юности деньги шли к Картюхину легко. С залихватской ловкостью он выуживал новые знакомства, выгодные контракты — деньги лились рекой. По крайней мере, унижать жену отчетом за купленные йогурты Игорь Александрович никогда бы не стал. В лепешку бы расшибся, но добыл бы денег.

Мелочная принципиальность зятя возродила в Елизавете Андреевне жгучее желание вернуться в тот день, когда Лиза впервые привела в дом будущего мужа, и спустить его с лестницы. Бывало, она пила чай в небольшой кухоньке, глядела на стену, выложенную серой плиткой, и представляла, как Чалов летит с каменных ступеней их загородного дома, теперь опечатанного, и расширяет голову о громадный вазон с пионами.

Пережив первый шок от приговора мужу, Елизавета Андреевна поняла, что потеряна главная ее опора в жизни, а беременная дочь, неудачно вышедшая замуж за скупца («Ах, ну почему не за скопца!» — не без юмора думала она), никак не могла быть ее надеждой в новой

стране. Скорее наоборот, еще каких-то девять месяцев — и заботы о родственном ей младенце уничтожат последние надежды на новую жизнь.

И в Елизавете Андреевне созрело мерзкое, но очевидное осознание — она должна заново выйти замуж. Шесть лет в чужой стране без средств к существованию в ожидании мужа с гадким никчемным зятем и слабовольной дочерью, без надежд на то, чтобы найти свое место в обществе, без опыта работы и без образования?! Елизавета Андреевна могла разрубить этот узел исключительно браком.

О возвращении в Беларусь не могло быть и речи. Бизнес мужа растащили приплывшие вовремя падальщики, дом и квартира опечатаны и в определенный законом срок будут отданы в пользу государства. А сам Игорь... Боже, как больно за него, теперь такого далекого и уязвимого.

Первое время она думала, что можно просто найти сожителя, о котором муж никогда бы не узнал. С дочерью она как-нибудь договорилась бы и сделала бы все, чтобы зять не пронюхал.

Но иллюзии быстро разрушились о новые запреты белорусам открывать счета в польских банках, подавать на визу через рабочие контракты, которые теперь нельзя получить без реального найма, и ужесточение контроля над уже прибывшими. Без официального брака и расширенных прав жены польского гражданина закрепиться в этом городе было невероятно...

Игорь вспоминался ей теперь молодым лихим парнем, с которым она впервые поцеловалась тогда на студенческом празднике. Он никак не мог появиться в ее жизни в образе сломленного духом заключенного, лишенного прав на свидание. Она даже не уверена была, что их с Лизой письма доходили до адресата. Шесть лет молчания с той стороны! Вообразимо ли?

Елизавета Андреевна с удивлением обнаружила, что решение, которое казалось поначалу таким неправдоподобным и скандальным, со временем примирилось с ее душой, острые углы его смягчились и стали обтекаемы, а вся боль ушла в идею о несправедливости жизни, о беспределе белорусского законодательства, которое разбило ее прежнюю счастливую жизнь.

— Мама, ты куда? — обомлела Лиза, когда в пятницу вечером увидела мать в праздничном платье, купленном отцом на юбилей.

— Лиза, я хотела тебе сказать. Ты меня сегодня не жди, я буду у Мартина.

— У какого Мартина?! — Лиза осела на диван, косо застеленный покрывалом.

— Лиза, дорогая. Не суди меня. Я вам мешать не буду и мне о себе подумать надо. У Мартина квартира, дети выросли, он в сущности добрый, я вас познакомлю... когда придет время.

— Мам, я не понимаю... — Лиза замотала головой. — А как же отец? Когда ты успела?!

— Давай поговорим в понедельник. Я вернусь и мы все обсудим, — сказала Елизавета Андреевна, чмокнула дочь в холодный лоб и выкатила за собой маленький чемоданчик, шумно перепрыгнувший порог квартиры.

Между тем в колонии общего режима Игорь Александрович Картюхин переживал все то, что характерно для первых месяцев ареста. Шок, боль, осознание собственного бессилия и страх болезни, которую никто не будет лечить.

Двадцатого сентября Картюхин получил первое за последний месяц письмо от дочери. Утром после переклички Игорь Александрович, которого сидельцы прозвали Посейдоном, из потертого железного почтового ящика в отряде вытащил письмо, подписанное родным аккуратным почерком. Марка и штамп были польские, конверт, как обыкновенно, был приоткрыт.

Картюхин сел на свою койку и осторожно вынул письмо из конверта. Тускло горела лампочка в потолке. Два листа, плотно занятые родным почерком дочери, были настоящим сокровищем.

Пересилив напряжение от казарменных сумерек, Картюхин придвинул листы к носу. Лиза писала:

«Дорогой папуля!

Прости, что несколько недель не писала тебе совсем ничего. Хочу оправдаться и обрадовать тебя тем, что занимает нас всех последнее время... Ты скоро станешь дедушкой! Вот пишу тебе, и сама не верю от радости. Витя тоже очень рад и такой стал ответственный, тебе не передать! Все носится со мной и старается, чтобы денег на подольше хватило...»

Картюхин вскочил с места и возбужденно оглянулся. Он быстро растер лоб и виски, скинул руку вниз и, не зная, как повернуться, подошел к окну. Радостный, что ему не помешали, он подставил письмо солнечному свету, чтобы читать дальше.

«...не переживай, папа, мы справимся. Витя уже работает на фабрике, ему пока дали участок на упаковке товаров. Он всего две недели там работает, его хвалят, говорят, могут повысить.

А Варшава похожа на Минск, только людей больше. Мне нравится, честное слово! Иногда идешь по городу, и умом понимаешь, что за граница, а все равно домом веет. Конечно, наших с тобой походов на озеро Белое ничто не заменит, никакая Польша. Помнишь, как мы в детстве жарили с тобой леща на костре? С рожна вниз капает сок, шкварчит, запах на весь берег.

Я так надеюсь, что ты обрадуешься, что у нас с Витей будет ребенок. Сейчас анализы есть, когда по крови узнают, кто будет — мальчик или девочка. Можно чуть ли не сразу определить, ждать не нужно. Я взяла денег, сходила и сделала. Мальчик будет! Пишу тебе первому, чтобы ты, папа, знал, что ты нам очень нужен. Когда ты выйдешь, с внуком будешь рыбачить, в походы ходить. Я привезу его в Беларусь, не знаю пока как, но надо будет обязательно вернуться.

Ты держись, папа, не унывай ни в коем случае. Мама передает тебе привет и совсем отчаялась получить от тебя весточку. Но я буду писать, папуля, я точно знаю, что ты мои письма получаешь.

Иногда сижу или делаю что-то по дому и вдруг чувствую тепло во всей груди... И ничего же не произошло вокруг. Откуда это тепло? Это ты мои письма читаешь...»

Игорь, плача и улыбаясь, спешно засунул письмо в карман и вышел во двор. В письме Лиза пощадила отца и про мать ничего не рассказала.

Вера

Вера узнала об аресте мужа лишь на второй день после приезда в Москву и сперва отказывалась продолжать лечение, запросив у клиники возврат средств. Однако это было невозможно: под пациента уже были закуплены и привезены из США ампулы с лекарством, собрана плазма, забронированы исследования.

Как упрекала она себя, что не разузнала подробности того, каким образом муж достал требуемую сумму:

«Я никогда не прощу себе то, что не спросила тебя тогда о деньгах. И ведь мое сердце почувствовало, что ты что-то утаил от меня! Не мог, не мог ты взять в долг такую сумму!» — так писала она мужу сразу после ареста.

Также Вера корила себя, что не бросилась в Минск сразу же, как только муж перестал брать трубку:

«Если бы я могла, любимый, уберечь тебя от этого шага! Но я была непростительной эгоисткой, думая лишь о своей болезни, убеждала себя, что твоя скрытность происходит от стресса на работе и волнения за меня... Это лечение и мои годы жизни, если получится еще пожить, не стоят твоих лет заточения».

Все внутри Веры горело огнем при мысли о муже и той жертве, на которую он пошел ради нее. Она уже не могла различить тошноту от ежедневных капельниц и сильного волнения за любимого человека, оказавшегося в беде. Ломота и слабость от терапии онкологических болезней для нее были симптомами страданий, сливались с жжением в груди от стыда и страха за мужа и были частью этого.

Угасавшая безмолвно до этого момента, Вера вдруг обнаружила в себе такое желание дышать, такую жажду жизни, что врачи недоумевали, верно ли поставлен диагноз. В этой слабой бледной женщине возродилось все мужество и любовь, и через шестнадцать недель она отправилась в Минск с полными решимости глазами.

Первое, что она запросила по приезде домой, — визит к мужу. Она написала запрос, который нельзя было не удовлетворить: жена, находящаяся на лечении от рака, хочет навестить мужа, который ради нее пошел на преступление. Но свидания в изоляторе не положены, а после суда — раз в шесть месяцев. И все же... свидание дали...

На суде Решимову был вынесен приговор — три года колонии общего режима за кражу государственного имущества. В тот момент, когда Картюхин был арестован, предприятие формально перешло в собственность государства, да и назначение Нестерского, подписанное неизвестно когда, подтверждало факт перехода ОАО «Картюхино» в заботливые руки государства.

Три года. В данных обстоятельствах — мягкий срок, который ободрил всех, тем более что к тому моменту из клиники пришли результаты анализов Веры. Ремиссия! В жизни Сергея Ивановича Решимова происходило... как бы это сказать... искупление прежних ошибок. Именно так он это определял, пока был в следственном изоляторе, а потом — в колонии.

То ли по недосмотру, то ли волей рока Картюхин и его директор оказались в одной колонии.

— Посейдон, смотри, кто тут! — говорил Рябой Игорю каждый раз, когда встречался им Решимов. Но Картюхин жил без злобы на нерадивого директора.

Историю с фурами он хорошо понимал, да и не это повело его на дно. Часто они могли выкурить вместе сигарку, чтобы поговорить о том, что вовремя надо было ехать за границу, что большой бизнес — это бизнес государства, а не твой.

А потом могли вместе помолчать о том, что не должно быть сказано: о горечи резко изменившейся судьбы, близких людях, оказавшихся так далеко; разлуке с деятельной и полезной жизнью.

Скудные свидания Веры с мужем стали нерегулярными — болезнь вернулась через год и шесть месяцев после ареста Решимова.

Когда Вера чувствовала себя хуже и недуг нарастал, она привыкла подолгу писать мужу письма, а затем несколько раз спать среди дня, чтобы восстановить силы и снова продолжить. После таких дней она отправляла все одним скопом, и когда Решимов получал разом стопку писем от надзирателя — все в отряде знали, что жена болеет сильнее, чем обычно.

В письмах Решимов уговаривал Веру крепиться и больше себя беречь. Бранил жену за то, что она изнуряет себя письмами в дни недомоганий, и писал невообразимое — отговаривал Веру от свиданий, которые каждый раз оборачивались для нее долгим путешествием и смертельной усталостью.

Со временем Вера действительно перестала писать длинные письма, ограничившись только рассказами о погоде, о том, как кусты, посаженные пару лет назад, наполовину загородили беседку соседа, и что, конечно, нужны туи, чтобы выше закрыть участок и чтоб дорогу было не слышно. Писала о том, как теперь на их террасе перед домом все заросло травой, убрать которую у Веры не было сил.

Туи из писем Веры снились Сергею Ивановичу каждую неделю. Он стоял во дворе своего дома у небольшой ямы, в которую должен был опустить нежное деревце, кособоко поставленное рядом. Но вместо этого он вдруг наклонялся, набирал в ладонь горсть кучковатой земли. Яма теперь казалась огромной и прямоугольной. Решимов ловил себя на мысли: «Зачем такую большую вырыл?» — и бросал горсть земли прямо в холодную черноту могилы.

Кто-то неприятный брал его под локоть, бурча в плечо: «*Пожила еще немного*», Решимов забирал руку, отрывал взгляд от ямы и видел вокруг людей в черном, кресты, памятники и... в ужасе просыпался.

Очувтившись в казарменном помещении отряда, Решимов был сам не свой от радости, что то был сон, и что он не в том кривом мире, где акт жизни превращается в акт смерти.

За несколько месяцев до освобождения, Вера сообщила, что ее кладут в больницу. Она писала, чтобы муж не волновался, что это планово, и надо еще лечиться.

Решимов понимал, что жена скрывает что-то, но адресов подруг и родственников не знал наизусть, а спрашивать через Веру не решился. Он написал своей матери, которая была столько же стара, как и бесхитростна, и та позвонила самой Вере.

Женщины поговорили, но ничего выяснить для сына не удалось, и просто договорились, что встречать сына и мужа будут по адресу матери. Вера отпросится из больницы и приедет к ним, поможет приготовить стол и привезет, что надо.

Всю неделю до освобождения лил промозглый дождь, земля в колонии напилалась водой и превратилась в кашу. Но Решимов ходил под холодными каплями, не боясь простудиться, потому что знал: родные и любимые женщины подлечат, если надо.

Так даже и лучше будет, если он, замученный неволей и погодой, вернется домой, где его будут ждать горячий чай с медом, теплые носки из собачьей шерсти, забота и ласка Веры. Уж пусть лучше она жалеет его из-за простуды, чем из-за арестантской худобы.

Мать прислала посылку на освобождение: одежду по погоде, немного денег, приличную обувь. Писем от Веры не было.

Решимов вспомнил, как всегда после долгой разлуки любимые люди звонят и пишут друг другу реже. Будто каждому из них необходимо накопить впечатлений, чтобы при встрече насладиться не только объятиями и поцелуями, но и поведать родному человеку последние новости о себе. Ожидание встречи без возможности выплеснуть друг другу накопившуюся нежность — один из счастливых этапов скорого свидания.

В день освобождения с самого утра выглянуло солнце. После оформления необходимых бумаг Сергею Ивановичу выдали вещи, с которыми он поступил три года назад. Он вышел за ворота колонии, пешком прошел пару километров, вдыхая влажный хвойный воздух.

С каждым шагом, отделяющим его от места заключения, внутри Решимова разрастались ожидания: вот мать встречает его, он целует Веру, тоненькую и бледную, вот они едут на озеро, где еще до Вериной болезни они провели две недели в санатории. Надо посадить злосчастные туи, пусть они уже закроют двор от дороги наконец...

Решимов дошел до остановки и бодро сунул руки в карманы. Ждать автобуса было радостно. Он вскочил на ступеньку, прошел по салону и выбрал место у окна.

Чудно было ехать и наблюдать, возрождая в памяти все подробности родной природы. Пышные гнезда буслов, аккуратные цветные палисадники деревень, белая цапля, сонно гуляющая у сажелки, скошенная трава на полях, скрученная в белые бобины, бетонная дорога, по которой автобус подпрыгивает на каждом стыке, прозрачная березовая рощица, отделяющая одно поле от другого.

Когда Решимов вошел в дом матери, он по виноватому ее виду понял, что не знает чего-то важного.

Мать встретила его поцелуями, причитала, что дожила, слава Богу, пока Решимов растерянно осматривал комнату с накрытым столом, аккуратными занавесками, но пустую.

— Где Вера? — спросил он, отпуская объятья матери.

— Сынок... Мне позвонили вчера, Вера оставила мой номер в больнице. Они сообщили, что Верочка... — мать всхлипывала и спешно стирала со старых морщинистых щек градом катившиеся слезы.

— Говори же! — стальным голосом сказал Решимов.

— Веры уже нет, сынок. Вчера умерла, — ответила она, уткнулась в грудь опешившему сыну и горько разрыдалась за него.

Мысль проверить почтовый ящик пришла Решимову в голову ночью на третий день после того, как проводили Веру. Калитка дома раньше была белой, а теперь, некрашенная несколько лет, растрескалась и показывала свое серое и будничное нутро. Ее подпирали два побеленных столба, на одном из которых был приколот ящик для писем.

Сергею подумалось, что там могут быть и его отправления, ведь он не сразу узнал, что Вера в больнице, и некоторое время продолжал писать ей на домашний адрес. Попросила ли она соседку доставлять ей письма в клинику?

Сергей отвернул замок почтового ящика, и на него вывалился ворох рекламных карточек, бесплатных газет и только одно письмо. Оно было от Веры. Решимов вспыхнул и почувствовал, как ноги ослабели. На конверте были указаны адрес клиники и дата почтового штампа — за три дня до... до освобождения Решимова.

Он оставил перед калиткой кучу разноцветных листовок, не в силах длить ожидание. Сергей вошел в дом и раскрыл конверт. Милый женский почерк, немного косивший теперь вверх в конце строки. Это была Вера. Она написала из больницы. Решимов ослабел. Он опустился в кресло, чтобы дать себе опору, и начал читать.

«Милый мой друг!

Знаю, что уже не увижу тебя, что будешь читать это уже на свободе, в нашем с тобой доме. Прости, что не сказала тебе, что уйду и слабею так быстро. Я хотела, чтобы ты ждал дня свободы без горестей, а вообще я и сейчас надеюсь, что все же в письме не будет надобности и что я смогу встретить тебя дома.

Я долго думала о том, как все вышло. Я счастлива, что Бог послал нам любовь. Годы прошли так быстро! Я помню, как ты подошел ко мне знакомиться, как тебя плохо подстригли к свадьбе и как мы были такие смешные на фото — ушастые и смущенные.

Те дни, когда я тебя видела после суда и когда получала твои письма, я считала каждый из них — их было восемьдесят девять. До твоего приезда осталось всего три дня, и я очень надеюсь, что мы доведем с тобой этот счет до девяноста.

В тот злополучный приезд в Москву врач сказал мне, что с моим диагнозом и расположением метастаз я без лечения не проживу и трех месяцев. Сережа, я была бы так счастлива прожить те три месяца вместе с тобой безо всякого лечения.

Судьбу не изменишь, видишь... Я очень хочу, чтобы тот девяностый день был тем днем, когда ты приедешь ко мне. Ведь это мой законный, судьбой отведенный таким как я, день. Ведь не может быть, чтобы у меня его забрали.

Если читаешь это письмо, значит, девяностого дня не случилось. Сережа, живи после меня и ни о чем не сожалей. Просто думай, что неожиданная разлука стала дольше. Первой освободили меня, а не тебя. Я встречу тебя, когда придет время, я же обещала. Обязательно встречу!

*Люблю тебя,
Вера».*

Разрыв

В понедельник, когда мать должна была вернуться домой после выходных с поляком, Лиза проснулась в мрачном настроении. В выходные она писала отцу, а потом ездила в Икею с мужем, чтобы купить шторы для их квартиры.

Шторы оказались слишком длинными, и Лиза отмеряла высоту окна рулеткой, когда в дом вошла Елизавета Андреевна. Они коротко поздоровались. Понимая, что дочь осудила ее (иначе почему она не брала трубку все выходные), Елизавета Андреевна проскочила в свою комнату, чтобы переодеться в домашнее, и долго не выходила оттуда.

Возвратившись, она обратилась к дочери:

— Ну, как ваши дела? — спросила она.

— Мы в порядке, — неприязненно ответила Лиза, отрезая от штор нужную длину.

Немного помолчав, она добавила:

— Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Елизавета Андреевна бегло глянула на дочь и сказала. Сказала так, будто обсуждала с Лизой бурю, неожиданно обрушившуюся на сад и поломавшую ветки малины. В общем, так, будто ничем не управляла в том, что случилось.

— Послушай, Лиза. Ты меня, конечно, осуждаешь, да я и не прошу понимания. Отца выпустят через шесть лет. У нас нет денег, и работы тоже нет. Вернуться мы не можем...

— Не перебивай! — Елизавета Андреевна жестом остановила дочь. — Квартира и дом опечатаны, профессии у меня нет. Отец — хороший человек, ты уж прости, но твой ни в какое сравнение не идет. Игорь всю жизнь нас баловал, и меня, и тебя, и я ему благодарна. Это тебе только кажется сейчас, что я оступилась, а ты в порядке и можешь меня судить. Смотри, как бы что не вышло.

На мгновение она задумалась и продолжила:

— Твой Витя на тебе женился бы без отца? У него задача была — в люди выбиться. Вот он теперь, когда Игорь помогать не может, видишь, как себя ведет? Жадный до нельзя. Я за то и презираю его и таких, как он, что от бедности, от безысходности они начинают грызть тех, кто рядом с ними. На любую подлость готовы. Не долг час, когда ты родишь, а с таким ненадежным мужем будет ох как непросто. Не суди меня, Лиза.

Лиза ошарашено смотрела на мать, и к лицу ее подступала пунцовая краска.

— Ты могла бы развестись с ним формально, и от тебя отстали бы. Живи себе в Минске. Другие же как-то ждут, не прыгают сразу в кровать к новому мужику!

Елизавета Андреевна, хоть и была женщиной с достоинством, но на этот выпад отвечать не стала. Она медленно провела рукой по пыльной ручке дивана и продолжила:

— Милая моя, а как ты тут будешь без меня? Я ведь вижу, к чему у вас тут все идет. Может, жена я и плохая, но мать нормальная. Родишь — буду помогать. Пойдешь работать.

— Мне Витя будет помогать...

— Хорошо, если твой Витя будет хоть что-то со своего завода приносить. С паршивой овцы хоть шерсти клок. На отцовской фирме он не сильно старался, от него ущерба было больше, чем пользы... Мне же отец все рассказывал, просто тебя не ворошили. Да ты и не слушала.

— Что не рассказывали?

— Да то, что Витя глупый — лопух махровый. Мастера его за нос водили — на одну и ту же машину каждый месяц ремонт ставили и ставили. Отчего же так часто все ломалось, как считаешь? Воровали нещадно, а он позволял. Медлительный, туповатый, равнодушный до всего. Удачно женился и расслабился. Думал, Игорь его всю жизнь тянуть будет.

— И ты думала, — отозвалась тихо Лиза.

— И ты тоже! А если бы пожила в общежитии, походила бы на пары голодная, то больше думала бы, в кого влюбиться, а кому от ворот поворот дать, потому что не жизнь будет, а мучение рядом с таким. Мы с отцом тебя как в оранжерею растили, и зря. Отец был, да и кончился со всеми его связями и деньгами.

Лиза равнодушно посмотрела на мать:

— Тебе есть теперь с кем жить? Ты без чемодана пришла...

Елизавета Андреевна взглянула на нее, будто внутри что-то опустело и обвалилось:

— Его зовут Мартин, мы придем познакомиться послезавтра.

— Не приходите. Мне неинтересно, — отрезала Лиза.

— Как знаешь. Но помни, что материнство требует взрослости, — Елизавета Андреевна встала и исчезла в своей комнате.

В тот день она собрала вещи, которые еще остались в квартире дочери, и съехала до прихода Вити домой. Лиза отправилась гулять в парк, как только заметила, что мать почти собралась. Она вышла из квартиры, не обращая внимания на голос Елизаветы Андреевны, окликнувший ее на пороге.

Это была не злость, нет. Это было чувство протеста, наполняющее Лизу целиком. Возмущение держало ее за виски, отупляло, ослабляло мышцы рук и ног, мешало думать.

Лиза понимала, что такое состояние вредно может отразиться на ее положении, и решила гулять долго, пока это глухое и отягощающее чувство не покинет ее. Она специально не взяла с собой телефон.

Мать уехала. Витя и Лиза остались наедине.

Посейдон

Картюхин мог мастерски в чайнике заварить селедку так, что эта вонючая и отвратная рыба становилась сносной. За эту власть над несговорчивыми морскими жителями Картюхина в отряде прозвали Посейдоном.

В бытность, когда Решимов еще отбывал свой срок, Картюхин, хоть и не сближался с предавшим его директором, считал его той ниточкой, которая соединяла Игоря Александровича со старой бизнесовой жизнью.

К своему удивлению, когда Сергей Иванович вышел, Картюхин стал замечать за собой, что редкие их разговоры о бизнесе, прошлых ошибках и рассуждения о потенциально интересных проектах были важной частью сегодняшнего быта и значительно облегчали положение осужденного.

Без новых идей и бизнеса в голове у Картюхина происходило замыкание. Врожденная энергичность, ответственность и смекалистость позволили ему занять высокое положение в глазах других, но варки сельди и ухищрений арестантской жизни было явно недостаточно.

Книги, присылаемые дочкой через минских знакомых, не спасали, точнее, наоборот, провоцировали его бурный к выдумке мозг на множество новых идей, которые невозможно было воплотить в жизнь. Лишь однажды тоска и отчаяние вошли в его сознание.

В руки Картюхина попал томик Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», который неизменно пользуется популярностью в таких местах, как то, где оказался наш герой. «Архипелаг» с первых страниц проделал огромную черную дыру в сердце Игоря Александровича, сквозь которую полились слезы и неизъяснимая словами горечь всего пережитого. Те же реалии, все те же узнаваемые характеры и герои, казалось, книгу писали не сто лет назад, а вчера.

Закончив с Солженицыным, Картюхин перешел на прикладное чтение — книги по бизнесу, психологии, найму и организации структуры предприятий. Они возрождали в его голове бледные тени прошлого, которые перемещались по полям картюхинских мыслей и подавали новые и новые идеи для реализации после того, как он вдохнет воздух свободы, как недавно освободившийся Решимов.

Картюхин боролся с собой недели три, после чего написал Решимову письмо. В нем он просил узнать, как в Польше устроен сбыт удобрений, у кого поляки покупают соли, какими путями везут, кто держит рынок.

На удивление отправителя, ответ пришел совсем быстро. Решимов рад был узнать новости, закинуть по своим контактам весточки (правда, половина воротила нос от докучливого освобожденного, но это ничего — остальных хватит). Другими словами, Сергей Иванович и Игорь Александрович снова были в обойме. В одной обойме. Один генерировал идеи нового будущего бизнеса, другой был информатором.

Дни в колонии потянулись быстрее. Картюхин мечтал о бизнесе в Польше, о том, как переедет туда к семье, как родится у него внук, которого он обещал водить в походы и учить рыбачить.

Письма жены приходили редко и были бессодержательны. В них она подбадривала его, переписывала то так, то эдак одни и те же события и первые впечатления о стране. Иными словами, очевидно, скрывала настоящее положение дел. А он в душу к ней не лез и, кажется, все понял. Только вида не подавал, а точнее, давал ей шанс первой написать о том, что все между ними кончено.

В письмах дочери события были живыми, настроение и выводы менялись, трансформировались, как и должно быть в настоящей жизни, тогда как в посланиях жены мир будто оцепенел. По этим признакам Картюхин понял, что жена и дочь не общаются, о чем переживал куда больше, чем о первой своей догадке.

Решимов после смерти жены был рад (если в его положении вообще можно было говорить о радости) нежданной своей доле — возможности загладить вину перед Картюхиным. Он ревностно исполнял каждую просьбу бывшего начальника: узнавал дела через знакомых на овощной базе, выискивал тех, кто готов помогать, проверял догадки Картюхина по поводу бизнеса в Польше, передавал книги и писал тем, чьи имена называл Игорь Александрович.

Энергия Картюхина, запертая в колонии, как буря в стакане воды, выплескивалась в письмах, планах, догадках и обдумывании будущего бизнеса в Польше.

После идеи о том, что можно заняться продажей и переработкой солей для удобрений, Картюхина увлекла мысль о генном животноводстве и выведении новых пород. Книги, профильные журналы и отраслевые данные тут же были доставлены Решимовым.

Поразмыслив об этом несколько месяцев, Картюхин занялся проработкой иных версий и ответвлений — модификацией семян для сельского хозяйства, разработкой новых добавок для скота, повышающих удои и тому подобным.

Другими словами, фонд местной библиотеки пополнился множеством любопытных только Картюхину книг. Когда Лиза передавала отцу посылки, он неистово досадовал, что тем самым она уменьшает его годовой лимит, и тут же писал дочери с просьбой не утруждать себя.

В общем, все в нем свидетельствовало о том, что Посейдон собирался на вольные просторы и жить планировал в полную силу...

Царство

После ухода матери Лиза пообещала себе, что необходимость устроиться в этой жизни никогда не толкнет ее подличать, извиваться и предавать свои принципы или близких людей.

Правда, какие у Лизы принципы, было еще не очень понятно. Любовь к отцу, нежность к человеку, который старался обеспечить жизнь своего ребенка во всем, натолкнула ее на мысль о том, что быть ответственным родителем — достойная жизненная стратегия.

Лизе пока сложно было понять, в чем заключается осознанное родительство, ведь ребенок еще только ворочался внутри нее, иногда напоминая матери о том, что ему становится тесновато. Она старалась хорошо питаться, много гулять и ждала развязки своего положения. А в остальном — жизнь шла своим чередом.

Витя продолжал работать упаковщиком, так как обещанное повышение почему-то отдали другому сотруднику. Он приходил домой уставший и со страдальческим выражением лица падал на диван, пока Лиза собирала на стол.

Она явственно ощущала, что муж винит ее в чем-то, но не понимала, в чем именно. Казалось, за его раздражением скрывается нечто большее, чем просто досада из-за больших трат и скудных доходов семьи.

К еженедельному отчету по расходам Лиза уже привыкла. Каждую субботу, отославшись после пятидневки, Витя садился за квадратный кухонный стол, где перед ним лежал ворох чеков, которые Лиза собирала всю неделю.

Он аккуратно вносил каждую сумму в программу на телефоне, составлял диаграммы и графики и, после внесения новых значений в свои таблицы, неизменно становился еще более унылым.

Поначалу, когда они только приехали в Польшу, чеков была целая груда — маленькие и длинные, квадратные и похожие на египетский свиток. Они говорили о том, как легко две женщины тратили иссякающие в доме средства. После отъезда Елизаветы Андреевны чеков меньше не стало, что немало удивляло Витю.

После подсчетов, в ходе которых он просил Лизу сесть напротив него и пояснить некоторые цифры и платежи, они шли гулять. Витя обычно был мрачен. Лиза пыталась его разговаривать, повести в красивые места и вообще, как бы так сказать, развеять...

Ей хотелось говорить о спряжении польских глаголов, о том, как поехать в Закопане на выходные. Она показывала ему фотографии местных красот, соблазняла тем, как здорово было бы пройтись по балтийским пляжам Гданьска.

Витя коротко бурчал что-то в ответ, и разговор не клеился. В такие моменты Лиза понимала, что Витя в чем-то отчаянно ее не одобряет, хотя она по-прежнему не могла понять, в чем именно.

В итоге, в один из нервных субботних променадов, Витя огорошил жену тем, что она должна пойти работать.

— Кааак?! — протяжно спросила она, показательно сложив руки на большом животе.

— Надо брать работу на дом, набирать переводы или заняться копирайтингом. Да мало ли работы в интернете?! — вспыхнул он, выпучив глаза.

— Но кто же меня возьмет, мне рожать через полтора месяца! — щеки Лизы пошли бурными пятнами.

— Лиза, мы не тянем все расходы. Надо, чтобы ты начала работать. У тебя было много подруг в Беларуси: у одной — ногтевой салон, у второй — кофейня...

Лиза смотрела на него, опешив, и не могла поверить своим глазам. Муж, который упустил повышение и возможность получать больше, отправлял на работу ее!

Жгучее чувство стыда за него и за себя (а мама предупреждала) окатило ее жаркой волной. На лбу выступили мелкие капли пота, рот напряженно скривился. Лиза не выдержала:

— Я бы никогда не подумала, что мужчина может выпихнуть на работу свою беременную жену, а сам лежать на диване весь вечер! Папа никогда бы так не поступил!

Витя поменялся в лице... Весь багровый от гнева, он резко одернул руку, за которую до того держалась Лиза, и выпалил в ответ:

— Твой папа — отличный пример! Именно из-за него мы тут, без денег и перспектив.

— Ты — летчик гражданской авиации, выучи язык и иди работать! — осекла его жена.

— Куда с беременной женой?! Надо будет переучиваться несколько лет, а кто будет закрывать аренду и платежи? Может, твой папа?!

Мы не будем погружаться в дальнейшие подробности разгоревшегося после этого скандала. Скажем только, что после полутора часов взаимных обвинений и высказывания тайных обид Лизе стало ясно одно: муж тяготится ею, и не от того, что не любит, а из своей человеческой слабости.

Всю дорогу домой они шли молча, каждый погруженный в свои мысли. Лиза понимала, что надо снизить градус переживаний, потому что живот предательски каменел, и решила отвлечь себя чем-то посторонним.

Она думала о том, что люди — как животные или растения, и вообще очень схожи со всем живым на планете. Хотя и выглядят одинаково — две руки, две ноги, — а все из разных царств природы.

Она силилась вспомнить, что рассказывала в школе на уроке биологии тучная Ольга Владимировна: «Кто ж там был?.. Животные, растения, бактерии... кто еще?.. Ах, грибы!»

«Среди животных тоже все разные. Есть те, кто борется и выживают. Наверное, это хищники». Лизе очень хотелось думать, что отец из хищников: активный, никогда не сдавался, без причины и надобности никого не обижал. Да и не было у него поводов, по крайней мере Лиза не знала.

«Растения... ну, тут проще, — Лиза вспомнила множество сотрудников на отцовской базе, которые будто приросли к своим офисным столам и стульям. — Похожи на кораллы, — подумалось ей. — А кораллы — это растения? Или животные?..»

Кажется, живот отпускает...

«А вот еще Маша — одгруппница из университета. Та — точно растение! Волосы длинные и некрашенные, будто буряк с хвостиком. Вечно сидела в библиотеке, пока все тусовались в холле вузовской раздевалки. Да и в ссобойках носила только что-то зеленое. А муж у нее — ну точно овощ! — Лиза с тоской вспомнила свадьбу ребят и как они счастливы были на своей овощной деревенской свадьбе. — Овощи, а как любят друг друга...»

«Бактерии... — она даже улыбнулась. — О, да! Уж лучше быть растением, чем мерзким зловонным микробом. А ведь они тоже нужны — кто-то ведь должен утилизировать тела умерших... Получается, они даже благороднее грибов».

Найти бактерию в своем окружении было нетрудно — на ум пришел новый директор базы «Картюхино», Нестерский, с которым ей довелось встретиться. «Вот уж... Бледный, худой, глаза белесые, вроде как голубые, но прозрачные. Уж он-то позаботился об утилизации!» — она поморщилась, будто вдохнула запах разложения...

Опять прихватило. Надо бы посидеть.

«А вот грибы...» — Лиза посмотрела на мужа. Он шел, не поворачивая к ней лица, уткнувшись взглядом в собственные ботинки. От их быстрого мельтешения Лизу стало тошнить:

— Да не торопись ты так! Я уже запыхалась...

Витя сбавил шаг. Теперь у Лизы была возможность рассмотреть его получше, да и отдышаться.

«Грибы... *Para-sitos*... — вспомнился курс греческого в универе. — Над-хлебом. Тот, кто живет на всем чужом...» — Лиза впала в ступор.

«Мама. Всю жизнь жила тем, что приносит отец. А как он стал слабым — сразу нашла себе новый *sitos*... Как же это мерзко!»

Лиза с ностальгией вспомнила Машу и ее тихого мужа. Ей подумалось, что наверное, обидно родиться овощем — оглядываешься вокруг и видишь ярких, инициативных. Но какая разница, если ты нашел свою половину? Ведь совсем не обязательно быть сильным...

«Господи Боже! Да и Витя — как мама. Отец его пригрел, подтолкнул вверх, он и расслабился. А теперь вон как страдает. А сил быть хищником нет! Не создала природа, не вложила, не тянет...»

Лиза неприязненно покосилась на мужа. Его утренний выпад с тем, чтобы она пошла на работу, уже не так беспокоил. Тем более, что живот отпустило, и стало снова легко. Осталось только одно невнятное чувство, один вопрос, перед которым ум Лизы сдавался и не выдавал никаких ответных сигналов.

Вопрос этот был: «А я — кто?»

Свой голос

В Царстве Божием люди перестают разделяться на подвиды и становятся существами духовными. Со своими недостатками, конечно, однако ведь надо было как-то приравнять людей разной природы к единой общности.

Лиза перелистнула страницу Вольтера с его философскими повестями и закрыла глаза на минуту. Яркий желтый свет лампы отражался от страниц и бил прямо в глаза.

Она размышляла о том, что за недостатки человека принято судить, даже если они обусловлены его подвидом. А справедливо ли это? Скажем, разве можно обвинять человека слабого в том, что он ищет, где урвать или на кого опереться? Из слабости рождаются преступления и подлость.

Получалось, что человек сильный и смелый на преступление не способен, а злостные нарушители закона — существа жалкие и ущербные с самого рождения. Лиза ощутила, что заходит на тонкий лед, и прервала свои размышления.

— Все люди равны перед Богом, — сказала себе она и продолжила пролистывать томик Вольтера.

За эти пару лет, прошедшие после того знакового разговора с мужем, для Лизы время бежало особенно быстро. Сперва — роды, потом — не успела оглянуться, как ребенок стал садиться, ползать, ходить.

Лиза вкрадчиво наблюдала за сыном, чтобы определить, сможет ли этот веселый карапуз отпустить ее на целый день в свой год и десять месяцев. По всему получалось, что пока не попробуешь, не узнаешь. И она отвела его в сад неподалеку.

Незадолго до родов Лиза договорилась с родственницей по матери, чтобы та помогла устроить ее в международное издательство.

Задачей Лизы было прочитывать бесчисленное количество книг и писать к каждой захватывающие аннотации, которые вызывали бы у посетителей книжных ярмарок и магазинчиков жадное желание купить книгу.

Хорошей литературы попадалось мало — все больше дрянных детективчиков и женских сопливых романов с розами на обложке.

...Адриана, охваченная внезапной страстью к властному мажору, забывает о долге перед мужем и сыном и бросается в омут страстей...

...Это было словно удар судьбы: прекрасная аристократка Урсула оказалась во власти роковых чувств. Осмелившись полюбить другого, она потеряла всё — любовь, уважение, репутацию...

Теперь Лиза лежала на кровати под большой бронзовой лампой, которую купила с первой зарплаты, и читала Вольтера. Обычно она только пробегала глазами книги, но эту... Эту хотелось вдохнуть поглубже.

За месяц работы в издательстве Лизе удавалось зарабатывать половину жалования мужа. Время от времени деньги передавали знакомые и родственники, которые приезжали на выходные в Варшаву из Беларуси, так что в семье все равно было то густо, то пусто.

Сын играл рядом с матерью, время от времени забирался ей на живот, хохотал от внезапной щекотки, прижимал нос к носу и жужжал, показывая муху. Его голубые глаза с карими вкраплениями, активные, как у деда, надбровные дуги, придающие лицу упрямое выражение, прямой нос и широкий подбородок — в маленьком личике уже прорисовывались черты взрослого красивого мужчины.

Тем вечером, как обычно, Витя где-то пропадал. Полгода назад он взял привычку гулять после работы. Так у него меньше болела спина, ведь прогулка помогала хорошенько размять мышцы. Витя позвонил и сказал, что сегодня будет дома около девяти.

«*Мне же легче*», — подумала Лиза, понимая, что еще пару часов не увидит мрачного и докучливого мужа.

Сразу после родов Лиза поняла, что спать отдельно от младенца — настоящая мука для всей семьи. Ночью, когда малыш начинал барахтаться в кроватке, она вскакивала к нему, уносила в гостиную, где могла покормить ребенка, не разбудив мужа, а потом возвращалась в темную спальню, укладывала полусонного сына в кроватку и ложилась в постель. И так повторялось несколько раз за ночь.

Сердце бешено билось от резкой смены положения и слабости после родов. Младенец казался таким тяжелым, особенно когда Лиза пыталась аккуратно уложить его после кормления на мягкий матрасик, наклоняясь над высокими бортами детской кроватки.

Через три недели такого материнства Лиза наконец начала спать в гостиной с ребенком. Она аккуратно укладывала его у стеночки на приличном расстоянии, чтобы не придавить. Однако уже при первом ночном кормлении ребенок оказывался совсем рядом с ней.

Вот уж действительно загадка, как младенец ощущает, где мать? Как такое маленькое существо, которое еще не может ни ползать, ни переворачиваться, ориентируется в полной темноте и оказывается под теплым мягким боком матери, хотя та спит неподвижно?

А потом Витя начал уставать от жены и ребенка. Он приходил домой, скидывал одежду на кресло, в котором обычно читала Лиза, и уходил мыться в душ.

Обнаружив в своем кресле потные мужские вещи, Лиза брезгливо сбрасывала их в стиральную машину, протирала ручки кресла и раздраженно удалялась в детскую.

Витя же долго пытел и сморкался в ванной, бил ручкой душа по кромкам наполненной водой ванной, после чего неизменно следовали десять минут полной тишины, нарушаемой шумом льющейся во всю мощь воды из крана.

«Опять бреется, а воду не выключает! — раздражалась Лиза. — А мне потом будет высказывать, что я много трачу и что щеки большие».

После вечерних процедур Чалов закидывал ноги на диван и погружался в мобильный телефон, откуда достать его уже не было никаких шансов. Если жена или сын слишком задерживались рядом с ним, он начинал бурчать и выпроваживать их на кухню или на прогулку со словами: «*Я устал*».

Другими словами, в доме нарастала атмосфера неприязни и тихой необъявленной войны. Война со стороны Вити выражалась в том, чтобы вовсе не помогать жене, которая сидела у него на шее и лишь изредка могла приносить в дом деньги. Эти средства сразу же уходили на ребенка, прививки, телефонные счета и покупку совершенно ненужных вещей: стульчика для кормления, легкой коляски или (не дай Боже) на модные окрашивания.

Лиза в партизанской войне с мужем перестала вкусно готовить, обеспечивала его лишь необходимым минимумом — самыми простыми блюдами, чистой кружкой, полухолодным кофе по утрам, сменой белья в его холостяцкой спальне.

Однажды в жизни Чаловых наметились радостные перемены. Лиза устроила сына в садик, и пришло время выходить на полный рабочий день. К счастью, как раз в эти первые недели относительно свободной жизни Лизу пригласили на собеседование в польский офис русскоязычного издательства. После двух лет удаленной проверки ее навыков, тетя порекомендовала молодую родственницу редактором в варшавское издательство.

Встречу назначили на три часа. Лиза надела летнее платье из голубого крепа, купленное еще при отце. Широкий рубашечный воротничок с умеренным декольте, длинные рукава, мелкие зашпы под грудью, создававшие необходимую легкость этой части тела, высокая талия.

Ткань спускалась до середины икры, и Лиза решила, что лучшего платья для собеседования на эту должность просто не найти.

Она собрала свои волнистые светлые волосы в небрежный пучок и решила: «Пусть думают, что я филологическая мышь», — и почти пренебрегла макияжем.

Лицо молодой матери украшал легкий румянец. Она лишь подкрасила ресницы и обвела губы мятной гигиенической помадой, отчего те вспыхнули и стали ярче. Лиза была готова!

Пришлось долго ждать в приемной, пока тучная добродушная женщина лет пятидесяти не позвала прибывшую в свой кабинет.

На столе, обитом добротной кожей с деревянной рамкой по краю, красовалось большое золотое перо в кокетливо изогнутой изящной женской ручке на мраморной платформе — напоминание о былых временах журналистской деятельности хозяйки издательства. По краям стола были разложены кипы бумаг и томики литературы с многочисленными закладками.

Высокое окно было задернуто тяжелыми зелеными занавесками, защищавшими от палящего летнего солнца, а толстые стены старинного здания делали воздух прохладным. В комнате почти не было мебели, кроме комода, на который взгромоздились старинные часы с бронзовыми завитками по бокам и желтым от времени циферблатом. На часах было уже четыре.

«В пять тридцать забирать Артемку... Доеду ли? Возьму такси!»

Взгляд Лизы упал на огромный янтарный кулон овальной формы на шее Татьяны Алексеевны. Он был похож на глаз индийского тигра, смотрящего сквозь темную траву тропиков прямо на свою жертву. Кулон этот утопал в пышной груди издательши, и лимбическое ощущение опасности смешивалось с добродушной медлительностью этой дамы.

— Ваша тетя очень хорошо отзывалась о вас, Лизонька, — Татьяна Алексеевна села в широкое барочное кресло с округлыми подлокотниками из красного дерева. — Мне все понравилось в вашем резюме. Вижу, несчастья вас не только не сломили, но и закалили!

Татьяна Алексеевна замаялась, оценивая, не слишком ли прямолинейна, и всё же произнесла:

— Не каждый способен после такого падения... после такого удара подняться снова и счастливо жить в чужой стране.

— Ну, до счастья еще далеко, — робко отвела глаза Лиза. — Но ведь работа тоже приносит счастье, верно? И тогда какая разница, где ты...

— Допустим, допустим... В те времена, когда я была в вашем возрасте, счастье заключалось в удачном замужестве. Сегодня многое поменялось. Но ведь вы замужем, у вас ребенок.

— Верно... — Лиза вдруг вспыхнула, понимая, к чему клонит Татьяна Алексеевна, и что сейчас следует быть максимально откровенной. — Выйти замуж — не значит быть во всем под защитой. А в моем случае — тем более. Я либо сейчас найду работу, которая позволит мне быть самостоятельной, либо буду вынуждена жить с мужем, который после ареста отца ни во что меня не ставит.

— Вы не думайте, — продолжила она, помолчав, — что если у меня маленький ребенок, то я работать не буду. Для меня это вопрос жизни и смерти. Поверьте, нет ничего более важного теперь, чем получить шанс стать личностью и скинуть с себя маску жертвы.

Татьяна Алексеевна сделала удивленное лицо, откинулась на спинку кресла и разложила свои крупные запястья на дубовом подлокотнике. Они свисали вниз ровно так же, как золотая женская ручка на постаменте. В янтарном медальоне заискрились лучи солнца, пробившегося сквозь щель в плотных шторах кабинета.

— Так вот оно что, Лиза. Вы решили убежать от надоевшего мужа... — Татьяна Алексеевна загадочно закатила глаза вверх. — Помню, и я в свои двадцать три года сделала то же самое. И не жалею! Не сломайся тогда мой брак... А я могу вам сказать, что он дал глубокую

черную трещину прямо посередине... Не сломайся тогда мой брак, не было бы и моих наград, карьеры, издательства, да и сын бы вырос похожим на отца.

Словно не ожидая возражений, она спокойно продолжила:

— Понимаете ли, Лизонька, женщина дарит себя либо семье, либо любимому делу, и все попытки совместить две эти ипостаси обречены на провал, что бы ни говорили. Чтобы создать что-то великое, женщина обязана отречься от личного.

Татьяна Алексеевна угрожающе придвинулась к столу, навалившись на него своим декольте, и смотрела прямо в глаза Лизе. Голос ее изменился.

— Понимаете ли вы, что издательский труд — это ни перерыва, ни продыху? Постоянные правки, сидение на стуле, боль в спине, спешка, бесконечная нагрузка на глаза, а главное — книга никогда не будет достаточно хороша. В ней все равно будут изъяны, и каждый невежда будет тыкать вас носом в то, что кажется ему ошибкой или недосмотром.

— Меня это не пугает, — Лиза ободрилась, когда увидела, что дама ответила взаимностью на ее откровенность. — Больше меня настораживает, когда женщина идет на низость и подлость, всю жизнь пресмыкается перед мужчинами (и хорошо, если только перед одним!). Общество, как будто, давно шагнуло вперед, но в любые времена женщина сталкивается с одним и тем же — необходимостью обрести независимость и баланс между своими интересами и интересами мужа.

Вздыхнув, она сказала дальше:

— При этом типичный муж до сих пор уверен, что женщина — приложение к его интересной жизни, и пока он будет реализовывать себя, ты будешь заниматься домом и детьми. Но правда в том, что далеко не все мужчины *способны* содержать семью, многие с трудом обеспечивают собственные скромные потребности... В условиях первобытного общества они бы не размножились, ведь не смогли бы пришить мамонта даже в групповой охоте. Хотя это даже неважно...

— Пока отца не арестовали, я жила, как вам сказать... — Лиза вспомнила о грибах, — будто во сне, в аквариуме. Вокруг меня — только избранные рыбки, корм по расписанию, а весь реальный мир — за стеклом.

Она обреченно вздохнула:

— Сейчас меня будто выбросили на сушу, и мои варианты — либо отрастить ноги и научиться ходить, либо сдохнуть. Потому что никакого аквариума больше нет!

Впечатленная такой образностью и прямолинейной грубостью заявлений Лизы, Татьяна Алексеевна довольно улыбнулась, проявив симпатичные ямочки на пухлых щеках.

— Мы с вами поладим. Приходите завтра к девяти. У вас мальш, я понимаю, поэтому можете отдавать его и сразу ко мне. Будет болеть — будете работать из дома, типография не ждет, пропустишь очередь — печать застрянет. О зарплате вы осведомлены. За каждую изданную книгу полагается премия. Чем больше издадим, тем больше заработаем, это выгодно нам обоим, — Татьяна Алексеевна встала и проводила Лизу до двери.

— А что касается отца... Таких мужчин осталось мало. Да и жениться такие теперь любят на личностях. Развлекаются с кем угодно, но вот брак... — протянула она это слово, — только с теми, кто состоялся как личность. И точка!

Лиза, красная от смущения, не знала, хорошо ли то, что она выпалила перед будущим начальством такие глубины собственной души, которые зрели в ней последние месяцы. Она рассеянно вышла из здания издательства и направилась в сторону стоянки такси.

Два года, которые они были в ссоре с матерью, не прошли даром. Осуждение, такое яркое сначала, сменилось глухим неприятием и отстраненностью. А главное — появление в их жизни этого противного поляка.

— Кто он мне, отчим что ли? Тьфу, пакость! — выкинуло Лизу из какого-то сна, в котором она родилась и выросла.

Мать звонила пару раз в месяц, и Лиза брала трубку, но дальше нескольких минут разговор не заводила. Каждый раз Витя выражением лица и жестами торжественно подтверждал, насколько никчемными были вопросы Елизаветы Андреевны во время звонка: «Как дела? Как здоровье? Все ли хорошо?» — безмолвно показывая это вздернутыми вверх бровями и кривой линией губ.

А потом Лиза подумала: а какого, собственно, черта Витя не доволен матерью?! Разве ее родители не подарили на свадьбу столичную двушку, не поддержали его с работой? Даже когда случилось обвинение и арест отца, оплаченные матерью адвокаты возились в том числе и с Чаловым.

Да, мать Витю не любила, но сдерживала себя. Ровно так же Лиза научилась сдерживаться, когда родился Артем. Терпела никчемность мужа и его слабую привязанность к ней. Бывало, когда Витя начинал вспоминать Картюхина и жаловаться на его ошибки, приведшие к аресту, она готова была взорваться и броситься на него с кулаками. Но останавливала себя и уходила в другую комнату, зная, что уже ночь и кричать нельзя — ребенок проснется.

В такси Лиза прокручивала разговор снова и снова, возбужденная тем, что получила работу, да еще и не самую примитивную. Взглянув на часы, она вскрикнула про себя:

«Господи Боже! Через пятнадцать минут сад закрывается, а мне ехать еще минимум сорок».

Варшава опять стоит в пробках.

Лиза спешно позвонила мужу, который уже наверняка закончил работу и добирался до дома, благо, ему недалеко. Она набрала знакомый номер:

— Ты заберешь Артемку? Я в ужасной пробке! Так долго ждала собеседования. На нас воспитатели и так косо смотрят, еще и кару влепят... Ты выручишь?

На другом конце провода послышалось непонятное короткое блеяние, и Лиза поменялась в лице:

— Понятно! — сказала она и положила трубку. — Скажите, а не можем ли мы объехать это место где-нибудь еще?! — спросила она водителя.

Он глянул в центральное зеркало на свою пассажирку и успокоительно заявил:

— Тут две улицы сходятся в одну колею. Что поделать — бутылочное горлышко. Проедем — потом быстро будет!

Лиза тяжело вздохнула и нервно отстегнулась от сидения. Машина стояла. Появилась мысль выйти из такси, пройти пешком и поймать другую машину. Но в Варшаве так не делают, да и было бы смешно, если бы она села в то же такси.

— Вы ребенка забираете? А муж не сможет? — спросил таксист.

— Нет! — Лиза широко открыла глаза. — Он собирается идти в душ! Помыться ему захотелось...

Таксист присвистнул:

— Жена просит забрать ребенка, а мужик вместо того, чтобы помочь, отправляется в душ... Я бы мигом поехал бы за дитем. А далеко от дома?

— Семь минут ходьбы, — обреченно простонала Лиза. — У нас кара за опоздание. Но главное даже не это, а то, что они и так нас не любят. А когда ты что-то делаешь не так, то смотрят волком, будто мы неблагополучные и нам что-то объяснять бесполезно.

— Все равно это не по-мужски. Не понимаю, как такое может быть — пойти мыться, когда твой ребенок сидит один с воспитателем.

В сердце Лизы больно екнуло. Она представила Артемку, самого маленького в группе, как он ждет маму. Поминутно звонит домофон, на пороге группы появляются другие мамы и

папы. Комната постепенно пустеет, воспитатель начинает нервничать, глухо злиться на малыша и его непутевую мать.

«Вот сволочь!» — подумала она о муже.

Через полчаса Лиза выпрыгнула из такси и торопливо зашла в ворота пшешколя. Потом вошла в стеклянную дверь, за которой таилась шатня¹, и набрала номер группы.

Слева и справа — пустые скамейки, сброшенные наспех босоножки детей и кепочки, небрежно висевшие в открытых шкафчиках, — все свидетельствовало о детской радости встречи с родителями и поспешности переодевания.

В комнате лишь один шкафчик был до сих пор занят легкой летней курточкой и обувью. Лиза подавила в себе угрызения совести и повернулась к раскрывшейся двери. Из нее вышли воспитатель с квитанцией в руках и Артемка.

Он распахнул объятия перед Лизой, но лицо его скривил раздосадованный плач. Он уткнулся в теплоту маминых ног и долго не отпускал ее, пока она одной рукой гладила спинку мальчика, а другой — подписывала квитанцию, оправдывалась, извинялась перед воспитателем и обещала приезжать пораньше.

Пока Лиза переодевала ребенка и целовала его заплаканные щеки, она думала о том, что больше так не может продолжаться. Она не может жить с равнодушным мужем. Что будет дальше? Хорошо ли, что ребенок такой же нелюбимый и брошенный, как и она? По дороге домой она вознамерилась прояснить этот вопрос сегодня же.

Открыв дверь, она увидела безмятежно дремлющего Витю и чуть сдержалась, чтобы не бросить в него чем-нибудь тяжелым. При виде вошедших жены и сына Витя досадливо поморщился и повернулся к стенке.

— Ты в курсе, что я была на собеседовании и не смогла вовремя забрать ребенка? — начала Лиза.

— Знаю, и что? Хочешь ездить по собеседованиям — будь добра планировать свое время. Я тут ни при чем, — Чалов сложил руки на груди и набросил на ноги плед.

— Ты везде ни при чем! — буркнула она.

Вечер прошел плохо. Бездна, которая разверзлась между Лизой и отцом ее ребенка, вдруг раскрыла всю свою глубину. Как она не замечала ее? Почему допустила? Такие бессмысленные вопросы задают себе все люди, когда-либо сделавшие прискорбный выбор, и думающие, что управляют чем-то в течение жизни после этого события.

Теперь Лиза явственно поняла: ошибка была сделана еще тогда, когда она поверила, что Витя Чалов чего-то стоит.

Перед сном Лиза все же подошла к мужу, не в силах больше тянуть этот тяжелый разговор в новый день. К тому же завтра определится их будущее: либо муж все же будет брать на себя часть обязанностей, либо надо признать полное поражение их союза.

— Вить, я хочу поговорить с тобой. По-хорошему, — Лиза поймала себя на мысли, что ей жалко мужа.

— М?

— Вить, я завтра иду на работу. Я одна не справлюсь, мне надо, чтобы ты помогал по вечерам. Один из нас должен забирать ребенка из детского сада и приводить домой. Иногда ужин готовить.

— Это женские дела, не ввязывай меня. Ты же оценила свои силы, когда отправляла резюме? — Чалов наконец повернулся к жене.

¹ *szatnia* (польск.) — раздевалка

— Я одна не смогу, понимаешь? Ребенок вырос, пора мне работать, получается, что все обязанности нужно делить, нет уже женского или мужского. Раньше было, пока женихались, а теперь...

— Даа, теперь действительно все по-другому, — язвительно заметил Витя, намекая на папу и переезд.

— Конечно, я понимаю, что тебе было бы куда удобнее жить со мной, если бы папа нам во всем помогал. Квартира, работа, подарки. Нянькался бы с нами, а лучше — еще и с внуком! Только так не получится, — стала заводится Лиза. — Мы уже три года в Польше, пора признать обстоятельства. Думаю, ты не станешь отрицать, что ты сам ко мне давным-давно потерял всякий интерес.

— Что, решила, как мать, найти себе нового содержателя? — совсем потерял берега Чалов.

— Ты себя под *старым содержателем* имеешь в виду?! — с вызовом ответила она. — Хорош содержатель! Я почти все время сама содержала свои потребности, если помнишь. Кто меня перед родами погнал работать?!

Можно было бы долго описывать все пререкания двух супругов, но скажем только, что через час бессмысленного общения разговор подошел к финальной точке, с которой можно было бы начать сразу же, как только Лиза переступила через порог в тот вечер.

— Витя, я хочу развода.

— Да пожалуйста!

После этого в жизни Елизаветы Игоревны Картюхиной начался новый период, ознаменованный трудностями взросления, возвращения и узнавания себя после четверти века, проведенного в тени сильного отца и слабого мужа, в равной степени лишивших ее собственного голоса.

Развод Картюхина

Тем временем Картюхин, переваливший за половину своего срока, узнал из письма своей жены о ее желании расторгнуть брак. Написав это, Елизавета Андреевна надеялась, что формальный развод даст их ситуации толчок в верном направлении. «Сперва формально разведемся, — думала она, — а потом все привыкнут, и это станет само собой разумеющимся для всех».

Она писала о трудностях жизни за границей, о конфликте с Лизой, которая теперь полностью под влиянием Чалова, о своем желании вернуться в Беларусь, что было бы возможным только, если она больше не будет женой преследуемого заключенного.

«Она не знает о Лизинем разводе!» — поразился Картюхин.

Он слишком хорошо знал характер жены, чтобы ожидать от нее монашеской жизни на протяжении всех шести лет, к которым его приговорили.

Долгие недели, выпавшие после пережитого шока от ареста и привыкания к новой своей жизни, Картюхин размышлял, что делать со своей семейной ситуацией. Срок выпал ему, а не жене. Возможно, правильно было бы отпустить ее. По крайней мере, он был готов к одному из сценариев, при котором Елизавета Андреевна сама заявит о желании развестись.

Игорь написал жене ответное письмо, в котором утверждал, что гораздо лучше было бы ей остаться в Варшаве и помогать Лизе, но если ей и в таких обстоятельствах хочется оформить их разрыв, то он, безусловно, не против.

Картюхин не раз видел, как жены разводятся с заключенными безо всякого уведомления. Таково законное право спутниц оступившихся. И он был благодарен Елизавете Андреевне за проявленный такт и за то, как именно она выбрасывала его из своей жизни.

Выбрасывала — это было очевидно. Зачем продавать себе это событие иначе? Но корректно, с хитринкой. Картюхин улыбнулся, вспомнив жену в те моменты, когда она хотела от него какого-либо согласия, но всей правды не раскрывала. Раньше это касалось лишь дорогих покупок, чья объявленная стоимость скашивалась для него вдвое, или разрешения на поездку. Теперь же это был иной масштаб...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.